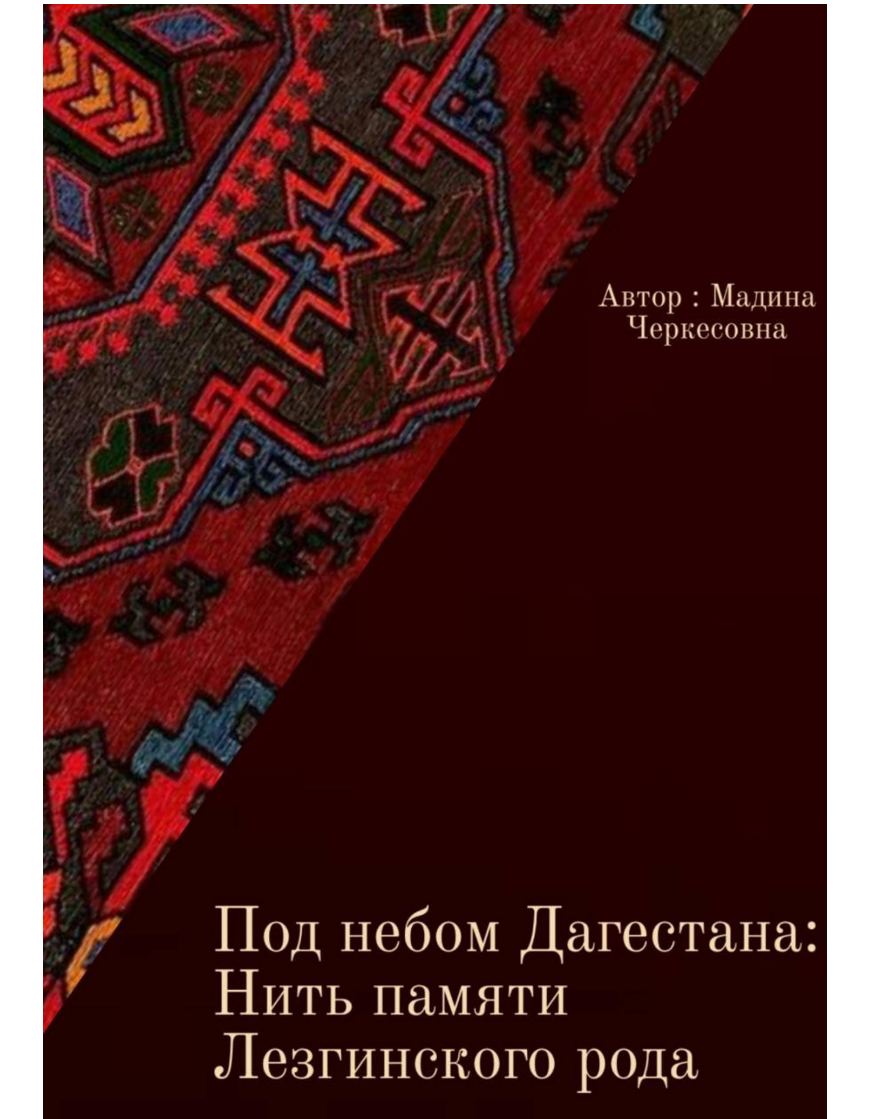

Автор : Мадина
Черкесовна

Под небом Дагестана:
Нить памяти
Лезгинского рода

Мадина Халисова

Под небом Дагестана: Нить памяти Лезгинского народа

<https://litres.ru/74251972>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если в холодном мегаполисе ты теряешь себя, а внутренний голос замолкает? Ответ знает земля предков.

Эта книга — живая, пронзительная исповедь автора, потерявшего вдохновение в Москве и обретшего его вновь на родной лезгинской земле. На этих страницах соленый ветер Избербаша встречается с величием священного Шалбуздага, а древние стены Каракюре хранят тайны албанских царей. Здесь сквозь века звучат старинные песни, пахнет свежим хлебом из печи хари, а узоры на коврах-сумахах переплетаются с судьбами поколений.

Но главное исцеление ждет автора не в исторических хрониках, а на семейном мавлиде, в теплом кругу родных людей, где стерты границы возраста, а улыбки искренни.

Эта книга — напоминание о том, как мы богаты своими корнями. Это укрытие от жизненных гроз и манифест простой истины: мы счастливы не тогда, когда много имеем, а тогда, когда умеем ценить дарованное.

Мадина Халисова

Под небом Дагестана: Нить памяти Лезгинского народа

Аннотация

Что делать, если в шумном и холодном мегаполисе ты теряешь себя, а внутренний голос замолкает в плену пустых материальных мечтаний — ответ знает земля предков.

Эта книга — не просто этнографическое путешествие по Дагестану, а живая, глубокая и пронзительная исповедь автора, потерявшего вдохновение в Москве и обретшего его вновь на родной земле. На этих страницах соленый ветер Избербаша встречается с монументальным величием священного Шалбуздага, а древние саманные стены Каракюре хранят тайны албанских царей. Здесь сквозь века звучат лезгинские песни, пахнет свежевыпеченным в печи хлебом, а узоры на старинных коврах-сумахах переплетаются с судьбами поколений.

Но главный приют автора ждет не в исторических хрониках, а в тихом женском кругу на семейном мавлюде, где стерты границы возраста, где улыбки искренни, а любовь читается в каждом взгляде родных людей.

Эта книга — напоминание для каждого из нас о том, что мы невероятно богаты своими корнями. Это теплое укрытие от жизненных гроз и манифест простой истины: мы счастливы не тогда, когда много имеем, а тогда, когда умеем ценить дарованное.

ГДЕ ПАХНЕТ МАМИНЫМ ХЛЕБОМ

*Вновь душою лечу я в родимый простор,
Где над пеной морской высится профиль гор.
Здесь в горячей печи дышит хлеб золотой,
И лоза винограда звенит над головой...*

Большинство людей, приезжающих в Дагестан сегодня, в наши дни, измеряют его красоту гигабайтами фотографий в телефонах. Они выстраиваются в очереди на смотровых площадках Сулакского каньона, застывают перед суровой кладкой Дербентской крепости и ловят затворами камер бирюзовые волны Каспия. Они смотрят на мою родину через экраны смартфонов, ставят хэштеги, восхищаются обёрткой и уезжают дальше, так ничего и не поняв. Дагестан невозможно прочувствовать по туристической путёвке. Его нужно вдохнуть вместе с дымом отцовской печи, пропустить через подошвы обуви по каменистым тропам и пережить как глубокое, осознанное возвращение к самому себе.

Я знаю, о чём говорю. В моей жизни был момент, когда

я решила променять эту первозданную, живую красоту на холодный, серый гранит каменной Москвы. Столица манила масштабами, огнями, бесконечным движением и иллюзией огромных возможностей. Я уехала. И меняхватило ровно на два года. В Москве можно иметь всё, но при этом оставаться абсолютно пустым. Там вечная спешка, метро, карьеры, и люди — чужие, неприветливые, уткнувшиеся в свои гаджеты и вечно бегущие куда-то, глядя исключительно себе под ноги. Да, там есть парки и зелень, но это искусственная, приручённая природа. Там нет величия гор, нет вольного ветра, а Москва-река — это далеко не Каспийское море. Два года я задыхалась без нашего воздуха, пока наконец не поняла: я совершила ошибку. Я собрала вещи и вернулась. Вернулась, потому что осознала: Дагестан — это не просто республика, это не какой-то маленький кусочек России. Это живой концентрат всего самого сильного, чистого, духовного и настоящего, что вообще содержит в себе наша огромная страна. Только там, в разлуке, среди бесконечного московского камня, я впервые по-настоящему, всей душой прочувствовала и поняла, как сильно я люблю свой родной край.

*Я забываю легко о себе,
Выше от этого делаясь сам...*

Имя смакую твоё по слогам:

Дагестан

«Выдохнул — „Даг“, следом выдохнул — „стан“...»

Я — лезгинка. В характере нашего народа, веками ковавшегося в суровых высокогорьях, заложен священный закон — Лезгивал. Это неписанный кодекс чести, благородства, верности слову и внутренней силы, который велит мерить жизнь не деньгами, а чистотой своей крови и верностью корням. Нас с детства учат уважать свой род, и именно из этого уважения рождается наше, дагестанское понимание семьи. По нашим традициям семья — это не просто те близкие, кто прописан с тобой в одном доме. Семья — это все те, в ком пульсирует твоя кровь, и те, кого ты любишь каждой клеточкой своего существа.

У моего отца три сестры и четыре брата. У моей мамы — две сестры и два брата. И у каждого из них родилось по двое или трое детей. Я родилась на свет гораздо позже остальных своих братьев и сестёр. Когда они уже делали свои первые уверенные, взрослые шаги, я только-только открывала этот мир. Между нами лежали годы разного опыта, но на нашей земле время бессильно перед родством. Эта разница в возрасте никогда не мешала нам дышать в один такт, смеяться над общими шутками и общаться на какой-то своей, особенной, невероятно близкой и теплой волне. Нас скрепляет не просто штамп в документах — нас держит невидимый, но монолитный купол безусловной любви и вековых адатов. С самого раннего детства я росла с чётким, абсолютным ощу-

щением того, насколько я богата. Наше богатство никогда не измерялось деньгами — мы были богаты людьми. Мы никогда не были родней «на бумаге». Мы постоянно общаемся, созваниваемся, ходим друг к другу в гости без всякого повода, шумим, спорим и вместе отмечаем каждое празднование. Сейчас нам всем уже побольше лет, мы все создали свои дома, у каждого уже шумят двое-трое детей, но наше детское богатство никуда не ушло — оно просто умножилось, став общим щитом от любых жизненных невзгод.

Это счастье росло вместе со мной на улицах Избербаша — города моего идеального, залитого солнцем детства. Я смело могу похвастаться на весь мир: моё детство было идеальным, и я безумно люблю всё, что в нём было. Вы, приезжие, видите в Избербаше развивающийся курорт с горячими источниками, а для меня это город с великой душой. Помню, как взрослые рассказывали легенду о его названии: в конце XIX века инженеры-немцы, прокладывая здесь железную дорогу, использовали местную вершину как ориентир и повторяли: «Дас ист берг» («Это гора»). Наш кавказский слух превратил немецкое эхо в «Изберг», а великий французский писатель Александр Дюма-отец, путешествуя по Кавказу, первым заметил, что скалистые очертания этой горы точь-в-точь повторяют профиль Александра Пушкина. Горцы уважительно добавили кумыкское «баш» — голова. Так родился Избербаш — «след головы на горе», город, отмеченный печатью гения.

Каждый вечер в моём детстве солнце медленно заходило за эту самую гору Пушкин-Тау, а каждое утро оно вставало прямо из лазурных вод седого Каспия. Вокруг Избербаша на километры раскинулись теплицы, парники и знаменитые виноградники. Воздух здесь особенный — он пропитан солью моря, ароматом зелени и тепла. Если ранним утром пойти на местный рынок, то можно найти такие фрукты, каких вы не встретите ни в одном самом дорогом супермаркете мира. Местная вишня, черешня, абрикосы, яблоки и груши — они огромные, налитые дагестанским солнцем, брызжущие соком и сладкие, как чистый горный мёд. А на наших улицах повсюду рос спелый, тяжёлый тутовник. О, как мы, детвора, его любили! Мы лазали по веткам, царапая коленки, забирались на самую верхотуру, чтобы стряхнуть чёрный, сочный град на белую клеёнку, которую снизу, затаив дыхание, натягивали другие девчонки и мальчишки, чтобы ягоды не падали на пыльную землю. Домой мы возвращались чумазыми, с фиолетовыми губами, а эти «тутики» намертво липли к пяткам, как самый настоящий клей. Их невозможно было отмыть, да никто и не пытался — это были наши медали за самое счастливое кавказское лето.

С этой залитой солнцем улицы мы всегда бежали на запах родительского очага. Почти в каждом дворе в Избербаше виноградная лоза плетётся над головой, создавая живую, дышащую зелёную крышу навеса, укрывающую от полуденного зноя. Наш дом не был исключением: над нашими голо-

вами всегда шумели виноградные листья, сквозь которые тяжёлыми каплями свисали налитые солнцем грозди. Помню, как наши мамы и бабушки раньше собирались вместе и ходили в общественные пекарни, превращая выпечку хлеба в священный ритуал, наполненный смехом и разговорами. А потом мой папа решил, что этот священный запах должен быть в нашем доме всегда, и построил во дворе настоящую, большую каменную печь. С тех пор домашний хлеб пёкся только у нас. Мне сейчас 28 лет, у меня своя взрослая жизнь, но до сих пор, когда я слышу от мамы по телефону: «Дочка, я сегодня пеку хлеб в печи», во мне моментально просыпается та маленькая девочка. Я, как ребёнок, бросаю все свои «важные» дела и бегу к ним, к родительскому порогу, под виноградный навес. Стоит мне закрыть глаза, и я снова вижу родительский огород, в котором росло абсолютно всё, чего могла коснуться рука: вишня, черешня, огромные абрикосы, груши, яблоки, тяжёлые, раскрывающиеся гранаты, клубника, малина, смородина и ароматная айва. Какая-то невероятная гармония земли, которая расцветала от одного лишь родительского прикосновения.

*Кавказ! далекая страна!
Жилище вольных сынов земли,
Для битвы выросли они;
Их колыбель поют валы,
И бури им ласкают слух...*

Из этого райского сада я каждое утро бежала на угол нашей улицы, чтобы дожидаться самого главного человека. Моего дедушку Бубашку звали Джафаров Дадаш. Это был удивительный человек, чьё имя до сих пор помнит Избербаш — в городском Доме культуры висит его фотография с описанием его долгого, честного пути. Он был начальником знаменитой автоколонны номер шесть, руководил огромным мужским коллективом, управлял движением и логистикой всего нашего города. Но для меня он был прежде всего родным, тёплым дедушкой. Имя Дадаш на нашем лезгинском языке означает «старший брат», уважительное обращение к главе рода, и он полностью оправдывал это имя. У него было огромное количество внуков и правнуков, но он находил время и любовь для каждого. Я до сих пор отчётливо, до мелочей помню, как маленькой девочкой каждое утро преданно ждала его на углу нашей улицы. Мой дедушка просыпался рано утром, аккуратно надевал чистую рубашку, классические брюки, свою знаменитую, круглую шляпу — она была похода то ли на панаму, то ли на буханку хлеба — брал в руки трость и выходил со двора. Он принципиально обходил всех своих детей и внуков пешком, из дома в дом.

Фамилия Джафаров уходит корнями к значению «чистый родник», и он действительно обходил свои живые родники, чтобы подарить им каплю своего тепла. И когда он доходил

до меня, он мягко улыбался в свои усы и давал мне мелочь. Эти мелкие монетки из рук дедушки Дадаша были для меня дороже всех сокровищ мира. Это были моменты абсолютно-го, звенящего детского счастья.

Рядом с ним всегда была наша Диде — бабушка Кисханум, которую весь Избербаш ласково звал бабой Катей. Величественная лезгинка со стальным стержнем характера, она могла работать за троих и держала нас в строгой дисциплине. Диде никогда не жалела своих детей, прекрасно зная их силу и способности, но её сердце разрывалось от жалости к уличным бродягам, которых она всегда искренне подкармливала у нашего порога. Я помню её яркие, огненно-красные волосы, горящие на солнце, и когда она сидела на скамейке возле дома, характерно закинув одну ногу прямо на сиденье. Мы, внуки, устраивали настоящие драки за право быть к ней ближе: кто-то массировал ей руки, кто-то чесал голову, а кто-то разминал уставшие ноги. Мы делали это не по принуждению — мы её слёзно умоляли об этом, ведь только так можно было заслужить её ласковый взгляд и заветное разрешение пойти всей гурьбой на море. Она хитро улыбалась в свои красные волосы, принимала нашу «заботу» и в конце концов отпускала нас на Каспий.

Но Дагестан для меня — это не только ласковый Каспий Избербаша. Это ещё и суровая, звенящая духовная высота, которая открывалась мне в четырёх часах езды от дома, в Докузпаринском районе. Это уникальный, самый южный рай-

он всей Российской Федерации, суровый пограничный рубеж Отечества, который напрямую граничит с Азербайджаном. Именно здесь, в живописной долине на правом берегу бурного Самура, прижавшись к скалам, стоит село Усухчай — административный центр района и родина моей мамы. Сама природа сотворила эти горы как неприступную каменную крепость, защищавшую местных лезгин от любых вражеских набегов. Но внутри этой суровой брони скрывается невероятная нежность — Усухчай буквально утопает в роскошных фруктовых садах.

В Усухчае жила моя вторая бабушка, мамина мама, которую я звала бадека. Её звали Сабият, и она была воплощением невероятной, тихой ласки. Бадека почти ничего не слышала и ходила со слуховым аппаратом, но её верующее сердце обладало удивительным, божественным слухом. Стоило в предутренней тьме раздаться азану, который она физически не могла расслышать, бабушка, словно повинувшись невидимым часам, уже просыпалась и повязывала платок на утренний намаз. Ни разу в жизни она не опоздала на встречу с Всевышним.

*Сверкает Шалбуздаг в лучах рассвета,
Вершина тонет в вечных облаках.
Здесь соткана земля из камня, света
И веры, что останется в веках.
— Из стихов о Южном Дагестане*

Я помню, как выходила на её длинный деревянный балкон, и передо мной открывался величественный, заставляющий сердце замереть купол Шалбуздага. Эта священная гора, вздымающаяся на 4142 метра, — гордость Лезгистана и святыня ислама, куда веками идут паломники к Пиру Сулеймана, чьё тело, по легенде, ангелы унесли на вершину в виде белых голубей. На склонах Шалбуздага почти нет ледников, только фантастические скальные замки из камня и бьющие из скал хрустальные, лечебные родники. Из ущелий Шалбуздага ранним утром и по вечерам спускалась такая ледяная, пронзительная прохлада, что мы ложились спать, укутываясь с головой под тяжёлые шерстяные одеяла, а днём плавилась от изнурительной жары. Это были места такой чистой, первозданной красоты, что в груди становилось тесно от восторга. В наши дни, когда мир вокруг штормит от геополитических бурь, Дагестан стоит незыблемо. Пока в горах пасутся отары овец, безопасность этого рая охраняют современные погранзаставы и обновленная Каспийская флотилия. Но истинная сила этой земли — в её памяти, гармонии и воздухе.

И вот теперь, когда мне 28 лет, я смотрю на этот мир и задаю себе один-единственный вопрос: в какой же момент мы, взрослея, перестаём это замечать? В какой момент пелена взрослых тягот, обязанностей и вечных дел закрывает от нас это счастье? В детстве мы не понимаем, насколько мы

богаты. Мы принимаем как должное дедушку Дадаша в его панаме, красные волосы Диде, ледяное дыхание Шалбуздага и горячий хлеб из каменной печи. Мы уезжаем в чужие города за призрачным успехом, а потом тратим годы, чтобы просто вернуться назад — к своему воздуху, к своей религии, к своей огромной семье и к этой великой гармонии. К своему Дагестану, который никогда и никого не отпускает насовсем.

Солёный ветер Избербаша : от каспийского серебра до подземного огня

*Каспий моё сердце волнует седой,
И скалы встают над прозрачной водой.
Здесь трудится горец, силен и упрям,
И слава летит по крутым берегам...
— Сулейман Стальский*

Когда туристы в наши дни гуляют по Избербашу, они видят уютный приморский город. Они пьют кофе на набережной и думают, что этот рай у моря всегда был таким безмятежным. Но я смотрю на свой город глубже. Я знаю, что под его песчаными пляжами и асфальтом бьётся суровое, трудовое сердце. Избербаш родился не для курортного отдыха — он был высечен из камня и солончаков руками сильных, упрямых людей: нефтяников, рабочих и рыбаков.

В детстве дедушка Дадаш рассказывал мне, что море для

избербашцев никогда не было просто местом для купания. Каспий — это кормилец, грозный и щедрый. До того как город заполонили базы отдыха, здесь шумел один из крупнейших рыбных промыслов Дагестана. Пожилые люди до сих пор помнят, как к берегу причаливали тяжелые баркасы, доверху забитые «каспийским серебром» — крупной, жирной сельдью, кутумом и легендарной осетриной. Рыбалка была не хобби, а тяжелейшим мужским трудом на ледяном ветру. Мой город пах солью, мазутом и свежей рыбой. Это было время, когда люди выходили в штормовой Каспий, рискуя жизнью ради своих огромных семей, и море уважало их за этот характер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.